

АВРОРА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 2014

Основан в 1969 году

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА3

“АВРОРЕ” – 45

Даниил ГРАНИН. Один раз ударить. *Рассказ* 10

Георгий КОВЕНЧУК. “Аврора”. Взгляд в юность 19

Валерия ШАДРОВА. “Непроходные” строки и слова 28

Андрей ТОРОПЫГИН. Владимир Торопыгин 36

Анна ГРОДЕЦКАЯ. “Надышаться летучим нектаром...” 40

Глеб ГОРЫШИН. Стихи из сборника “Виденья” 42

НАСЛЕДИЕ

Николай СИМАКОВ. Архиерей Божией милостью 48

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ. Стихи 70

ВЗГЛЯД

Владимир АЛЕКСАНДРОВ. Ново-Адмиралтейский
остров... 80

Владислав ЧЕРНУШЕНКО. Сквозь дым веков... 85

ПРОЗА

Виктор ЛИХОНОСОВ. Русская скорбь. *Роман* 94

Михаил ЗАРУБИН. Монах. *Повесть* 133

Кира ГРОЗНАЯ. Дорожные работы. *Рассказ* 169

Дмитрий ПОЛЯКОВ (Катин). Киты Коли Свешкина 182

Александр ПИРОЖКОВ. Вероника.

(Фрагмент из повести) 201

Виталий ПОЗНИН. Травы для попугая 225

«Надышаться летучим нектаром...»

О стихах Глеба Горышина

Трудно сказать, когда именно прозаические строки Глеба Горышина стали складываться в стихотворные. Писал ли Глеб стихи в молодости? Думаю — нет. Его архив, сохранивший и первые студенческие газетные публикации, и самую раннюю, допечатную прозу, рассказы в три-четыре машинописные страницы, стихов не сохранил.

Но профессиональный прозаик, автор двадцати сборников прозы, и, я бы сказала, прозаик по любви — к Пришвину, Паустовскому, Соколову-Микитову, Шукшину, как и по призванию, журналистскому в своей деятельно-трудовой основе, Горышин лириком был изначально. Тонкий лиризм его ранних рассказов был отмечен уже первыми рецензентами и критиками. Лев Аннинский, например, писал о нем как об авторе «стилистически нежном» и «насквозь наивно честном».

Особенно поэтично-любовна проза последней книги Глеба «Слово Лешему». С нежной любовью названы составившие ее очерки — «Луна запуталась в березе», «Возвращение снега», «По весне, по осени», «И вздох осин при каждом шаге»... В середине 80-х в деревне Нюрговичи на Вепсской возвышенности Глеб купил избу, в которой жил с весны до осени, из лета в лето. Деревня — в тайге, на берегу глубокого темного озера — умирала. Немногих оставшихся в ней стариков переселили в поселок, в опустевшие избы въезжали дачники. Медленную смерть деревни Глеб и писал год за годом — на фоне бесмертия лесов, озер, восходов и закатов. Книга складывалась почти десять лет, очерки публиковались, но издания книги Глеб не дождался. Она вышла в 1999 году, посмертно.

Жизненные итоги — главная элегически грустная тема последней книги.

«Пора уезжать, но что-то держит, прежде всего особенная цена здесь прожитого времени. Здесь нет ни одного пустого, ничего не стоящего мгновения. Просто смотреть, дышать... Уходить не хочется. Некуда. Здесь последний приют. Я вернулся в природу. Все исполнилось в моей жизни благополучно: к исходу подыскался исконный, неиспорченный русский (хотя и вепсский) лес, озерный край, мир тихих нег».

И еще:

«Не написаны зима, весна, лето; я все пишу предосеннюю пору. В позднюю осень тоже не залезаю. Я нахожусь в ранней и середине осени, моя поздняя осень скорехонько придет».

До поздней осенней поры Глеб не дожил. Стихи же писались в раннеосеннюю и среднеосеннюю пору. В 90-е годы он опубликовал несколько поэтических подборок (в альманахе «Алтай», в «Авроре»,

в «Дне русской поэзии») и издал — за свой счет — два поэтических сборника: «Виденья» (1990) и «Возвращение снега» (1996).

Из прозаических строк в «Слове Лешему» стихи вырастают легко и органично, с естественностью роста полевых трав.

«Звенит тишина. С той стороны Озера двоит кукушечий голос. Того гляди распустятся купавы; стоят на косогоре, будто павы. Их лица желты, головы круглы. В избе просели печка и углы».

«На небе ласточек не стало, зато привольно комарам. И все же плакать не пристало, не слышно воплей по дворам. Не видно птиц — такая малость! Уж на лугу второй укос... Разлетье. Красок побежалость. Пустынно небо, как погост».

Гениальных определений природы лиризма существует немало. Прочитую прекрасные строки О. А. Седаковой, большого поэта, философа, историка культуры: «Стократ блажен тот поэт, чья непроизвольная, тревожная и любящая память включается не на моментах капризного предпочтения, только ему понятных, а действительно на центральных и богатых смыслом точках реальности, истории, языка. Такая тяготеющая к объективному субъективность лирической памяти даруется волей небес и удерживается, вероятно, усилиями ума — а может быть, и совести».

Этической и поэтической заповедью звучат последние строки автобиографических записок Глеба Горышина «Мой мальчик, это я»: «Моя мама нарекла меня Глебом не в потемках, а на духовном свету, дошедшем до нас неугасшим. Маме хотелось вырастить сына любящим тех, кто дал ему жизнь, кротким. Кротостью и любовью дышит из глубины веков „Сказание о Борисе и Глебе“...».

Любовью и кротостью дышат поздние стихи Глеба.

Читал ли он стихи вслух? Свои читал. Чужие — очень избирательно, редко, никакой театральности не терпя. Хотя Горбовского — да, читал вслух, любил. И понятно, почему.

Час пробил, и вот однажды
вдаль шагая по тропе,
стал я, мудрый и отважный,
непонятен сам себе.

Это Горбовский, но как будто Горышин. Среди его стихов есть похожие, «горбовские» — с тем же бесстрашием простоты, почти наивности, которым только и бывает преображена прозаическая обыденность и бедность жизни.

*А. Г. Гродецкая (Горышина),
канд. филол. наук, Пушкинский Дом РАН*

Из сборника «Виденья»*

* * *

Ивовый куст над ручьем
Прядает тихо листьями,
Будто что шепчет устами
В мире, как время, ничьем.
Ивовый куст над ручьем
Пахнет увянувшим летом,
Осени ласковым светом...
Запах зазывен, как дым,
Сладостен, как откровенье;
Остановилось мгновенье...
Ивовый куст над ручьем
В мире, как время, ничьем.

* * *

Что такое борьба и доколе
Кулаками без проку сучить?
Лучше выйти в заречное поле
Орфографию трав изучить.
Надышаться летучим нектаром,
Прикоснуться стопами к росе...
Мы живем в этом мире недаром;
Слышишь звон колокольцев в овсе?
Слышишь постук прерывистый крови
На усопшем запястье руки?
Нам дозволено многое, кроме
Златворенья добру вопреки.

* * *

Погружаюсь в холодную воду.
Подступили по горло года.
Ни мосточка, ни камня, ни броду
Нет оттуда, а только туда.
Там не дует, не греет, не светит,
Темно-красные розы цветут...
Крикнешь: «Мама!» и мама ответит:
«Приходи, мой сыночек, я тут».

* © Наследники Г. А. Горышина, 2014.

Из сборника «Возвращение снега»

А по ночам...

А по ночам, а по ночам,
услышишь отзвуки начал.
К былому духом прикоснешься
и запредельно ужаснешься,
однако вздрогнешь и проснешься.
О как прекрасна повседневность,
когда часов изжитых бренность
преображается в глагол!
Как пес сторожкий, дремлет пол...
И колгота приготвления
овсяной каши и блинов,
и забыванье гадких снов...
О как прекрасно умыванье
в со сна бормочущей реке,
слепня услада убиванья
на белой собственной руке!
И всадник скачет вдаль —
Иван Николаевич Ягодкин удаляется на покос.

Письмо другу

Мой друг, тебе пишу издалека —
ты помнишь нами найденную местность?
Я сызнава сижу у камелька,
взираю на пригожую окрестность.
Уже порог подперли холода,
безросны по утрам некошеные травы,
чернеет в озере вода,
и солнечны купавы.
Любезный друг, поверь, я жду,
вдруг с нами что-нибудь случится:
сколькочечную звезду прибьют ко лбу —
пускай лучится?
А здесь у нас идет раздор
промежду осенью и летом:
листы дерев лепечут вздор,
и коршун кружится над лесом.
Руководжу в печи огнем,
и тот выходит из-под власти...
Бывает, думаю о Нем
и о себе порой, отчасти.

Мой друг, ты помнишь, мы с тобой
о чем-то громко говорили:
кто победит? идет ли бой?
кто жив? покойников зарыли?..
У нас владеет Тишина
всевышним суверенитетом,
на всех, владычица, одна,
будь ты мурлом или эстетом.
А лучше, друг мой, приезжай:
у нас березы в позолоте,
и поспевают урожай
ленивой клюквой на болоте.
Затопим печь и посидим
над нерешением вопроса,
они иль мы их победим,
и станет нам смешно и просто.
Съедем сиротскую уху
из востроносых шустрых рыбок,
поговорим, как на духу,
во избежание ошибок,
о том, что есть и из чего
произошло прямостоянье...
Терпенье — только и всего!
Переживем — без покаянья.

* * *

Поднять лицо к мерцанию звезд.
Луны латунному свеченью,
сообразить, что се — мороз
натуру взял на попеченье.

Звенит озябшая трава,
первично-бел крахмальный иней.
Моя седая голова
и Божий мир подлунно-синий.

Безгласны лесные края

Ночами мне снится отец,
покойники — это к морозу,
он был у меня молодец,
хотя и не читывал прозу,

слезу не ронял над стихом,
не ангел, не ухарь, не стоик;

в породу — как стал мужиком,
рубил на бору древостой.

Приспело, взошел в кабинет
и взял телефонную трубку..
Кого погонял, тех уж нет,
закончили леса порубку.

Родитель любил посидеть
в компании зычноголосой,
во здравие рюмку воздеть,
предать обсуждению вопросы.

Таким уродился и я,
отца унаследовал гены...
Безгласны лесные края.
Безмолвствуют аборигены.

Сижу на пне

Весенней клюквой надо дорожить:
она дает медведю шанс пожить.
Медведь усох в берлоге по зиме,
прибавит клюква — в теле и в уме.

Оголодавший, черствый, как сухарь,
весенней клюквой кормится глухарь...
Сижу в болоте на трухлявом пне,
весенней клюквы хочется и мне.

На вечере памяти Есенина

Отплакалось, отхохоталось,
увяло, ушло, отцвело,
лишь только названье осталось,
где было когда-то село.

Но все не избыть опасений
в продрогшей от страха дали,
что вымолвит правду Есенин,
ослабив удавку петли.

О, наши порывы благие!
О, неба безгласная твердь!
Как трепет свечи, литургия,
как птица небесная, — смерть.

* * *

Опал черемуховый цвет —
легла июньская пороша.
Уж сколько зим и сколько лет?
а в мире Божиим все то же:
займетса зеленью весна,
заполыхает красно лето —
и вновь восходит белизна
невнятной снежностью рассвета.